

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПОДЛИННОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ БЫТИЯ

С. А. Азаренко

Екатеринбург, Уральский федеральный университет

Аннотация. Статья посвящена проблеме бытия, представленного в качестве множественности. Сообщество в этой связи является бытием-друг-с-другом. Последнее — это не простая совокупность «одних» и «других». Они со-существуют вместе способом один-за-другим и один-с-другим. Бытие-в-месте — это не механическое единство, напротив, оно, как не-пременное условие, со-держит в себе фигуру «другого». При этом любая самость может существовать только «с» другой самостью. Современная ситуация характеризуется тем, что множественность превращена в механическое единство одного-с-другим, в разомкнутую множественность. В статье в анализе множественности бытия используется социально-топологический подход. Последний предполагает, что быть — значит быть в со-бытийных отношениях с другими, то есть быть в сообщении с другими, осуществляя соби́рание вместе и добываясь взаимопонимания, репродуцируя собранное сообщество в каком-то времени и пространстве. Рассмотрение «идеального братства» показывает, что и в ней непреодолима борьба между властвующими и подчиненными.

Ключевые слова: множественность, социальная топология, сообщество, взаимодействие, социальность как братство-дома-практики-само-организующаяся братия

A RETURN TO THE TRUE MULTIPLICITY OF BEING

Sergey Azarenko

Ekaterinburg, Ural Federal University

Abstract. The article is devoted to the problem of being represented as a plurality. The community in this connection is represented by being-with-each-other. The latter is not a simple combination of “some” and “others”. They

co-exist together, one after the other, and one with the other. Being-in-a-place is not a mechanical unity, but, on the contrary, it contains the figure of the “other” as an indispensable condition. At the same time, any self can only exist “with” another self. The current situation is characterized by the fact that multiplicity has been transformed into a mechanical unity of one-with-another, into an open multiplicity. What is new in the article is that the analysis of the multiplicity of being uses a socio-topological approach. The latter assumes that to be means to be in a co-existing relationship with others, that is, to be in communication with others, bringing together and achieving mutual understanding, reproducing the assembled community in some time and space. The consideration of the “ideal brotherhood” shows that in it, too, the struggle between the rulers and the subordinates is insurmountable.

Key words: multiplicity, social topology, community, interactions, sociality as fraternity-houses-practices-self-organizing fraternity

Повседневность порицает современную философию за то, что та существует в неподлинности, на уровне междусобойчиков, в рассеянии и несвязности, по клубам по интересам. Она порицает ее за то, что каждый занят пережевыванием чужих мыслей или жонглированием своими концептами. При этом отсутствуют связи с реальностью, не отражается трагизм нашего существования. Философия как будто бы покинула вопрос о бытии и замкнулась в рамках самоконцептуализации. Как заново вернуть философию в мир? Как вернуть любовь к мудрости — основную движущую силу философии и обрести тем самым свою подлинность? Какие изменения должны произойти, чтобы возобновить интерес к миру? Или уже все открыто и понято и философу остается лишь играть концептами в своей «песочнице»?

Итак, обратимся заново к вопросу о бытии, причем о бытии в качестве множественности. Мир повседневности настолько поглощает собой, что он превращается для людей в нечто привычное и доступное и перестает быть проблемой. А привычное не ставится под вопрос. Одержимость отдельными вещами приводит нас к забвению сущего в целом. Однако определенные состояния, как то: страх, отчаяние или скука, могут нас приводить к тому, что мир привычный и доступный рушится и мы подступаемся к ничто (Хайдеггер). Эти со-стояния не внутренняя наша психология,

а наша онтологическая расстановка тела в отношении другого тела. Но именно в ней открывается целое: связь сущего с ничто. Когда мы задаемся вопросом о том, почему еще недавно все было обыденно и нормально и вдруг наступили страх, или отчаяние, или скука? Перед мышлением встает вопрос о данности как таковой, встает проблема бытия. И здесь возможен путь мышления к основанию как абсолютной причине бытия, то есть к структурам, которые имеются до всякого сущего (Богу или трансцендентальному сознанию). Или путь мышления, которое имеет дело с самим сущим, с фактичностью. Это значит, что бытие есть само реальное сущее, бытие как событие в своей множественности, сущее как одно-с-другим. Ибо для человека быть — значит быть в становлении, быть в развитии, быть в изменении, быть в событии.

Сообщество в современной философии после Хайдеггера предпочитают называть бытием-друг-с-другом. Последнее — это не простая совокупность «одних» и «других». Они со-существуют вместе способом один за другим и один с другим. Никакое одно нельзя представить до существования одного-с-другим. Русская традиция говорит по преимуществу от «мы», а «я» называет последним словом в алфавите. Для немца Гуссерля первым в себе бытием является трансцендентальная интересубъективность как трансцендентальная солидарность, то есть не как эмпирическая одновременность, а именно сконструированная из самой себя социальность. Бытие-вместе не слипшееся единство, а, напротив, оно, как обязательное, со-держит в себе фигуру «другого». Другой бывает представлен как другой вне себя или как другой в себе. Любая самость может существовать только «с» другой самостью. Или, иными словами, самость остается в себе, лишь выходя за свои пределы «с» кем-то или кем-то. Это языковая частичка «с» или «со» не всегда бросается в глаза, обнаруживается в словах «событие», «сознание», «совесть» и др. Чтобы существовать, индивид оказывается выставленным я из себя в со-существование с другими. Их со-измеримость продиктована изначальностью со-стояния человеческого мира, которое представлено бытием-друг-с-другом!

Однако мы попали в ситуацию, когда множественность искусственно превращена в механическое единство одного-с-другим,

в разомкнутую множественность. При этом каждый имеет возможность говорить благодаря электронным возможностям, но мы друг друга не слышим. В этом и состоит трагизм современности: мы представляем собой разрозненную множественность. Как преодолеть эту губительную разрозненность? Вспомним, как в Древней Греции возникала философия, она возникала в условиях гражданского равенства. Когда один мог без всяких околичностей общаться с другими, когда общение шло на равных в горизонтали отношений. Реальные отношения предполагают не главенство одного или другого, а главным становится само отношение.

«Онтология со-бытия, — отмечает Ж.-Л. Нанси, — это онтология тел, всех тел, живых, неживых, говорящих, мыслящих, имеющих вес. “Тело” прежде всего означает то, что находится вовне, как наружу, рядом, телом к телу, в дис-позиции. Не только от некоторого “сам” к некоторому “другому”, но прежде всего как сам, от себя к себе: из камня, из дерева, или из плоти; тело является разделением и отправной точкой от себя, к себе, рядом-с-собой, без которой “сам” не был бы даже “отдельно сам”» [3, с. 133]. Здесь язык кажется множественную единичность, и в нем сущее целиком представляется как с-мысл, то есть как изначальное разделение, в соответствии с которым все сущие связаны с другими сущими. Как такового «языка» нет, а есть речевые акты или голоса, есть изначальное разделение голосов. Через человека мир является выставляющим себя напоказ со всем собственным бытием-в-месте-со-всем-сущим в мире.

Классическая схема социальности предполагает трехчастную форму: традиционное общество — индустриальное общество — постиндустриальное общество. Социальная топология же предполагает «восходящую онтологию» от индивидуальных отношений до сложных социальных конфигураций типа города или государства. Предлагая «восходящую онтологию», М. Деланда отмечает, что при такой методологии появление институтов истолковывается взаимодействием индивидов, принимающих решения, возникновение городских структур — взаимодействиями институтов, образование государств — взаимодействием городов. И едва лишь новое целое возникает, оно немедля начинает воздействовать на их составляющие, являвшиеся ему субстратом, сужая их первоначальные

взаимодействия или содействуя порождению новых. Отсюда следует помысленная Деланда схема социальности «индивиды — институты — города — государства», которую мы дополняем целостностью дома [2, с. 45]. Ибо, как мы считаем, без дома в пределе не могут иметь место ни взаимодействия индивидов, ни те или иные институты в обществе. Следовательно, схема социального множества должна иметь соответствующий вид: «индивиды — дома — институты — города — государства». Обычно отмечается, что во внутреннем пространстве дома формируются теплые и близкие отношения индивидов, и это безусловно так. Однако необходимо отметить, что даже среди самых близких людей время от времени происходят споры, разногласия, борьба и настоящее противостояние. Поэтому мы утверждаем, что дом становится «колыбелью» этических отношений во всей их многоплановости: и в плане «должного поведения», и в плане политики действия.

Попробуем исходить из некоей идеальной «нулевой» степени отношений типа монашеского братства. И ответить на вопрос о том, возможно ли в них преодоление властных отношений? Монашеское братство — это сообщество без единого отца, где самодостаточные братья существуют вместе в идиоритмии (в собственном ритме). Где старший в братстве — образец для подражания, но не начальник. Идиоритмос предполагает подвижную телесность, существующую в своем особенном ритме, противостоящую застывшей социальной схеме должного поведения, исходящую извне. Власть всегда навязывает общий ритм, как мать, не терпящая возражений, ведет ребенка за руку, не считаясь с его ритмом движения [1]. Власть осуществляется благодаря дисритмии, гетероритмии. В смешении двух различных ритмов и происходят глубинные нарушения.

Идиоритмические взаимодействия братьев, сообразно топологическим закономерностям, опространствливаются в дом. Схема братства строится на органичной основе: братья — дома — практики — самоорганизующаяся братия. Цель у братства — путь к совершенству и святости. Переход от монашеского отшельничества к кинонии (совместному житию) уже предполагает акцент на соблюдении устава, и здесь начальник (вождь — тот, кто принимает решение) противостоит старцу, который выступает в качестве

образца для поведения. Братство — это сообщество, которое включает господство единого владыки. Самодостаточные братья, состоят вместе, но каждый в собственном ритме, где старший — образец, но не начальник. Для жизни вместе монахами избирается определенное место, которое затем достраивается соответственно совместному образу жизни.

Возможен ли вообще уход от борьбы между властвующими и подчиненными в обществе? Мы полагаем, что дело не в уходе от борьбы, а в правильной организации взаимодействия противоборствующих сторон. Согласно Мишелю де Серто в обществе имеются практики властвующих (это «сильные», «производители») и практики подчиненных (это «слабые», «потребители») [4]. Определяющим для последних является способность к сопротивлению. При этом «подчиненные» стремятся освоить и изменить практики «властвующих», а в случае неудачи они пускаются в социальное творчество — маневрирование, ловкие проделки. Стратегия организуется утверждением власти, а тактики определяются отсутствием власти и неперменной «этикой упорства» со стороны «обороняющихся».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Как жить вместе: Романтические симуляции некоторых пространств повседневности: Конспект лекций в Коллеж де Франс, 1976–1977. М. : Ад Маргинем Пресс, 2017.
2. *Деланда М.* Новая онтология для социальных наук // Логос: Философско-литературный журнал. 2017. № 3. С. 35–57.
3. *Нанси Ж.-Л.* Бытие единичное множественное. Минск : И. Логинов, 2004.
4. *Серто де М.* Изобретение повседневности. 1 : Искусство делать. СПб. : Изд-во Европ. ун-та, 2013.